

Глава 5. Восстание труппы

Деревню пронзил леденящий душу крик. Один за другим в окнах вспыхивали огни, и вскоре всё селение озарилось светом. Вслед за этим раздался яростный, надрывный лай собак, словно они узрели нечто невообразимо ужасное.

Чу Вэй, сидевший в позе лотоса, медленно открыл глаза. Напротив него, в точно такой же позе, застыл бумажный человечек размером с ладонь. Над его головой парил бумажный меч.

Вокруг него витала духовная ци, создавая свой собственный, обособленный мир.

Чу Вэй поднялся и тихо произнёс:

— Учитель, я выйду ненадолго. Вы со мной?

Вместо ответа, в следующее мгновение, и без того хрупкий бумажный человечек, не выдержав духовной силы Учителя, рассыпался в пыль.

Чу Вэй нахмурился.

— Бумажные фигурки всё же слишком хрупки. Они не выдерживают вашей духовной силы.

Перед ним, казалось, не было ничего, но Чу Вэй ощущал смутные очертания фигуры, застывшей напротив.

Он поднял голову, доверяясь этому подсознательному чувству, и посмотрел на невидимого собеседника.

— Учитель, я... я теперь могу чувствовать ваше присутствие.

Воздух едва заметно качнулся, и знакомый голос раздался прямо перед ним:

— Когда достигнешь определённого уровня, сможешь и видеть меня. Идём.

Уголки губ Чу Вэя невольно изогнулись в улыбке. Он бесчисленное множество раз представлял себе облик Учителя, видел его во снах.

За долгие годы, проведённые бок о бок, он настолько привык к этому человеку, что тот стал для него опорой. Пока Учитель рядом, на душе всегда спокойно.

Выходя из дома, Чу Вэй прикрепил к двери дедушкиной комнаты талисман, чтобы старик спал крепче.

Не успел он переступить порог, как к нему подбежал Чэн Даню. На нём были лишь майка и шорты — очевидно, он в спешке вскочил с постели.

— Чу Вэй, ты тоже проснулся. Скорее, там беда!

— Угу, — тихо отозвался Чу Вэй и пошёл вперёд.

— Ты почему даже не спрашиваешь, что случилось? — с любопытством поинтересовался Чэн Даню.

— А что спрашивать? — ровным тоном ответил Чу Вэй. — Наверняка опять у дяди Чжана. Я же говорил тебе, что тот даос — мошенник, а ты не верил.

— Но это же не вина даоса, — всё ещё упрямылся Чэн Даню.

Чу Вэй не стал спорить и лишь ускорил шаг.

По дороге им то и дело встречались спешащие куда-то жители деревни.

— Беда, беда! Старина Чжан... он в мертвеца обратился! Чуть жену свою не задушил!

— А даос разве не у них дома ночевал?

— Не знаю, пойдём скорее посмотрим.

Все бежали, едва переводя дух, и вскоре оказались у дома старины Чжана. Двор был заперт, а восставший из мёртвых Чжан — заперт внутри.

Вся толпа, включая жену старины Чжана, с красными следами от удушья на шее, стояла снаружи.

Тот самый старый даос в панике стоял перед воротами, размахивая своей мухобойкой.

В дверь двора колотили с такой силой, что она ходила ходуном. Несколько крепких мужчин изо всех сил налегали на неё, пытаясь удержать.

Двое оставшихся на дежурство молодых полицейских в отчаянии пытались позвонить, но в

телефонах не было сигнала.

— Даос, придумайте же что-нибудь! Мы его скоро не удержим!

— Да, великий мастер, покажите свою силу! Успокойте старину Чжана!

Даос, подпрыгивая и размахивая мечом из персикового дерева, без умолку бормотал заклинания. Один за другим талисманы летели на дверь и стены, но всё было тщетно. Удары по двери становились лишь яростнее.

Даос запаниковал. Пот струился по его лбу, но он, силясь сохранить спокойствие, произнёс:

— Этот свирепый призрак слишком силён, его обида глубока. Нужна кровь чёрной собаки, чтобы остановить его. Быстро, найдите!

— Кровь чёрной собаки... Где же мы её найдём посреди ночи?

— Даню, у тебя же собака чёрная! Скорее веди его сюда!

Все взгляды тут же устремились на Чэн Даню.

Он замер.

— Но я... я растил его столько лет.

— Сейчас не время для этого! — нахмурился староста. — Что важнее: жизнь собаки или жизни людей? Быстро иди, пока не поздно!

— Верно, Даню. Собаку можно и новую завести. А если старина Чжан вырвется, погибнет много людей.

— Даню, что ты стоишь? Быстрее!

Даже дедушка Чэн Даню торопил его, заставляя идти домой за собакой.

Удары по воротам становились всё чаще, а голоса толпы звучали в ушах Чэн Даню, как набат.

— Даню, скорее!

— Если ты не приведёшь собаку, что будет с нами?

— Неужели ты хочешь погубить всю деревню?

Чэн Даню не понимал. Это ведь нечисть бушевала, так почему он вдруг стал злодеем?

Их пёс, Сяо Хэй, жил у них уже много лет. Отец принёс его, когда Даню ещё учился в начальной школе.

Сяо Хэй был очень умным псом, отличным сторожем. Два года назад он вовремя заметил ядовитую змею и спас всю их семью.

Даню всегда берёг его как сокровище, часто отдавая ему свой кусок мяса.

В его глазах это была не просто собака, а член семьи.

Как они могут требовать, чтобы он отдал Сяо Хэя на убой ради какой-то крови?

Чэн Даню хотел что-то сказать, но голоса толпы, словно заклятие, окружили его, не давая сдвинуться с места.

Кто-то толкнул его в спину.

— Чэн Даню, что ты творишь? — раздался гневный окрик. — Не пойдёшь ты — мы сами пойдём! Мужики, готовьте ножи! Как только собаку приведут — сразу режьте! Свежая кровь наверняка подействует лучше!

— Не... нельзя, — пролепетал Чэн Даню.

Но его никто не слушал. Жизнь какой-то собаки не имела значения по сравнению с жизнями всех присутствующих.

Даос, словно боясь, что они недостаточно торопятся, подгонял:

— Быстрее! Я долго не продержусь!

Толпа ринулась к дому Чэн Даню. Кто-то нёс лопату, кто-то — таз. Они были готовы к разделке.

Чэн Даню от отчаяния был готов расплакаться. Он пытался их остановить, но тщетно.

Даос, наблюдая за суматохой, медленно пятился назад, делая вид, что едва держится.

В этот момент в толпе раздался холодный, спокойный голос. Он был негромким, но его слышал каждый.

— Даос, куда вы собрались?

Все замерли и обернулись.

Под тусклым светом уличного фонаря они увидели, что даос, который только что стоял впереди, теперь оказался позади толпы, с паникой на лице.

А за его спиной стоял Чу Вэй, положив руку ему на плечо.

— Даос, вы?.. — спросил староста.

Даос испуганно огляделся, пытаясь что-то сказать, но не успел. Трое мужчин, державших ворота, не выдержали.

— Не можем больше! — закричали они.

С оглушительным треском ворота распахнулись, и трое мужчин отлетели в сторону.

На пороге, выпрямившись во весь рост, стоял иссохший труп дяди Чжана.

— А-а-а-а! Цзянши! Бегите! Цзянши идёт!

Все в ужасе смотрели на ожившего мертвеца. Люди в панике бросились бежать.

Но случилось нечто ещё более ужасное. Вокруг них словно возникла невидимая преграда. Куда бы они ни бежали, они снова и снова оказывались перед воротами дома.

Призрачная стена.

Тем временем, мертвец двинулся к ближайшему человеку — Чэн Даню, который в оцепенении горевал о своей судьбе.

— Даню, что застыл? Беги! — крикнул кто-то.

Чэн Даню очнулся и увидел прямо перед собой острые когти. Кровь бросилась ему в голову, и в мозгу пронеслась одна мысль: «Мне конец».

Но в следующую секунду мощная сила оттащила его назад, и знакомый голос Чу Вэя раздался у самого уха:

— Совсем одурел? Даже увернуться не можешь.

Всё происходило как в замедленной съёмке. Он видел, как его друг детства — тот, кто никогда не дрался, не прогуливал уроки, всегда был вежлив и спокоен, — словно спустившись с небес, одним ударом ноги отшвырнул мертвеца. Труп отлетел на несколько метров и с глухим стуком рухнул на землю.

Чэн Даню показалось, что это галлюцинация.

— Чу Вэй? — неуверенно позвал он.

Чу Вэй, не обращая на него внимания, отшвырнул его в толпу и выпрямился.

Мертвец не чувствовал боли. Он тут же снова поднялся.

На этот раз его целью стал Чу Вэй.

Чу Вэй нахмурился. Его бледное лицо под светом фонаря казалось холодным и суровым.

Чэн Даню, стоя в толпе, смотрел на своего друга, который без страха стоял перед мертвецом, и чувствовал, будто видит его впервые.

Он словно не знал этого человека.

Чу Вэй встал перед толпой, скрестив руки на груди. Между его пальцами были зажаты талисманы. В тот момент, когда мертвец бросился на него, он метнул все талисманы вперёд.

Пять талисманов прикрепились ко лбу, рукам и ногам мертвеца.

В тот же миг все движения труппа прекратились. Он замер, не в силах сделать и шага.

Чу Вэй опустил руки и сделал два шага вперёд.

Чэн Даню хотел крикнуть ему, чтобы он был осторожен, но слова застряли в горле.

Неужели это тот самый Чу Вэй, которого он знал?

Точно так же были ошеломлены и остальные жители деревни. Они сбились в кучу, дрожа от страха, и смотрели на этого тихого, неразговорчивого мальчика. Все молчали, не зная, что сказать.

Чу Вэй всегда был для них чужим. Он не был похож на остальных.

Все знали о его происхождении, но никто никогда не говорил об этом вслух.

В деревне все были простыми, грубоватыми людьми, даже молодёжь была смуглой и крепкой.

Только он был другим.

Чу Вэй был невероятно красив, настолько, что затмевал всех молодых людей в деревне.

К тому же он был умён, каждый год занимая первые места не только в деревне, но и во всём уезде.

Такому ребёнку нельзя было не завидовать.

Тем более, что он не был по-настоящему своим.

Поэтому многие избегали общения с Чу Вэем. Рядом с ним любой чувствовал себя песчинкой.

Только Чэн Даню, этот простодушный, вечно весёлый дуралей, считал его своим лучшим другом.

Но то, что они видели сейчас, говорило о том, что Чу Вэй не просто умён. Он обладал силой, которую они и представить себе не могли.

Чу Вэй обошёл толпу, вытащил из неё мошенника-даоса и толкнул его вперёд.

— Даос ведь очень могущественен, не так ли? Почему же вы пытались сбежать?